

Актер не ищет гладкой жизни

Заслуженный артист РСФСР Михаил Иванов в гастрольном репертуаре Свердловского театра исполняет всего две роли — Нагульнова в «Поднятой целине» Шолохова и Привалова в «Приваловских миллионах» Мамина-Сибиряка. Две роли — это немного. И тем не менее его работы остаются в памяти, о них хочется поговорить.

Когда поднимается занавес в спектакле «Поднятая целина» и Макар Нагульнов — М. Иванов после бессонной ночи, проведенной над учебником английского языка, встает из-за стола и идет, потягиваясь, к окну, у зрителей с первых же секунд возникает расположение к этому актеру.

Поют петухи. Начинается новый день. А Нагульнов, разобрав чуть ли не по складам английское слово, радостно восклицает «Революшён!» Для него это слово — особенное, выстраданное, дорогое, необходимое. Актер вкладывает в слово «революция» глубокий смысл, произносит его с волнением и нежностью. Нет, не зря провел Макар бессонную ночь над учебником! — Он встречает утро...

Михаил Иванов вспоминает, как в 1951 году, окончив ГИТИС им. А. Луначарского, он сел в поезд, идущий на Свердловск. Мимо скользили пейзажи уральской природы.

Он смотрел в окно и думал о будущем. И почувствовал: «Здесь будет мой дом».

Конечно, радостно было в студенческие годы работать под руководством И. Раевского над ролью Коломийцева в «Последних» Горького. И грустно было расставаться с однокурсницей Евгенией Козыревой — его партнершей по многим сценам, этюдам, дипломным спектаклям. Но он хотел быть самостоятельным. Что же помогло ему добиться этого?

Его собственная натура, характер, воображение. Еще в детстве он всегда мечтал. Он думал о Пушкине. В Тамбове, в доме, где родился Михаил, он нашел гусиное перо, свечу. Склонившись над столом, мальчик писал, писал дни и ночи...

...Война. Она привела Михаила Иванова в авиационный полк. Он сражался под Брянском, служил в Казани, и лишь после войны распрощался с профессией пилота, чтобы отдать свое призванию — театру.

— Я не люблю гладкой жизни, — не раз подчеркивал в разговоре со мной Михаил Васильевич.

Его влекут люди сильной воли. В Нагульнове артист акцентирует волю к победе над врагом. Ледающей к классовому врагу, беспредельно добрый к трудовому люду, Иванов играет совсем не го, что другие интерпретаторы этой роли. Он не увлекается бравадой и комизмом образа Нагульнова. Его героем руководит революционный инстинкт. Этот искренний человек опынен революцией, дыханием новой жизни. И Лушку он любит по-настоящему, азартно, как человек крупный, цельный. В сцене про-

щания, подавая ей платок, Нагульнов — Иванов прощается не только со своей любовью. Его герой думает об уродливом Лушкином восприятии жизни. И у него щемит сердце за нее, за ее судьбу. Но другие не узнают о его боли...

У Михаила Иванова звучный голос. Удивительно красиво льется из уст Привалова образная, выразительная, чисто русская речь.

Артист рассказал мне, как он радовался, получив роль Платонова в пьесе А. Штейна «Океан». В этой роли он реализует главную тему своего творчества — тему борьбы за активного, честного, справедливого и увлеченного человека. Не для Платонова тихие гавани! Этот человек верит в людей. За внешним цинизмом Часовникова он разглядел человеческую душу.

Михаил Иванов признается, что понять натуру Платонова ему помог Маяковский, образ которого он создал несколько лет назад в пьесе А. Липовского «Во весь голос». Маяковский пленил артиста на всю жизнь, увлек своей непримиримостью, страстностью, целеустремленностью, умением быть трибуном, глашатаем, борцом. Маяковский и Платонов — мечтали. И мечту они оба умеют превращать в действительность.

— Мне нравятся роли, в которых заложен динамит мыслей, — говорит артист. — Например, Улдис Райниса. Отлично охарактеризовал поэт детище волн Даугавы:

Челн из ясеня я строю,
Лодку золотом украшу,
Мать стремительного ветра
Белый парус мой раздувет...

С огромной радостью работал я над этой ролью. Мне нравятся также герои, у которых есть свой собственный, неповторимый, интимный язык, внутренне богатые люди. Например, Петруччо Шекспира. Та роль хороша, в которой я сам могу что-то почерпнуть, открыть, узнать, ибо без этого я не смогу стать богаче, мне нечего будет поведать зрителю.

Написанные на бумаге, эти слова могут прозвучать декларативно. Но Михаил Васильевич произносит их с таким горячим убеждением, что понимаешь: он высказывает свои собственные заветные мысли. У слов, которые Иванов говорит со сцены, хотя бы в самой маленькой реплике, всегда есть подтекст, особый, глубокий смысл.

Михаил Васильевич Иванов — как человек и как актер — не держит свою душу взаперти, и именно поэтому его искусство нам близко.

Гунар Трейманис